

У каждого из нас
своя бездна под ногами.
Главное — не забыть,
ради чего ты
отступаешь от края.

БЕЗДНА ПОД НОГАМИ

Айлин

Айлин

Шепот на изломах

«Автор»

2026

Айлин

Шепот на изломах / Айлин — «Автор», 2026

«Шепот на изломах» — пронзительный сборник историй, где судьбы женщин переплетаются с гудками завода, запахом йода больниц и пылью подъездов. От токсичных браков и роковых ошибок до тихого героизма и неожиданного спасения — каждая история исследует хрупкость и силу человеческого духа. Героини учатся слышать шепот надежды даже в гулкой тишине отчаяния. Это книга о том, как боль высекает искру стойкости, а сломанные крылья учатся летать иначе.

© Айлин, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	6
Тишина летнего дождя	7
Вероника	10
Женька	20
Леночка	26
Нинусик и Роза Анатольевна	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Айлин
Шепот на изломах

© Айлин, 2026

© Наталья Эр, 2026

ISBN 978-5-0067-6966-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Жизнь ломает по-разному. Иногда — внезапным ударом в дождь, когда рушится всё, ради чего ты дышал. Иногда — медленно, как яд, капля за каплей разъедающий доверие, любовь, мечты. Но даже в самых глубоких трещинах рождается шепот. Шепот боли, отчаяния, гнева... а потом — упрямства, надежды, тихого мужества.

Это истории о тех, кто стоял на изломе. О хирурге, чьи руки предали её, но не сломили дух. О невесте, запертой в золотой клетке чужой мании. О легкомысленной красавице, искавшей любовь в чужих глазах и нашедшей её в неожиданной строгости. О матери, чья жизнь оборвалась слишком рано, успев подарить новую. О страсти, обернувшейся предательством. О жестокой игре, приведшей к кислотному ожогу. О юной невесте, проданной в роскошное рабство.

Они падали, теряли, кричали в пустоту. Но где-то в глубине, сквозь гул отчаяния, пробивался тихий голос: «Жить». Это — их шепот на изломах. Прислушайтесь.

Тишина летнего дождя

Автор Айлин Ан

С самого детства Катюша знала танец своих пальцев. Они порхали над пластиковыми органами учебного макета, ловко подбирали упавшие булавки, а в мечтах — уверенно держали хирургический скальпель. Ее мир пахнет йодом и надеждой, звучит ритмом сердца на мониторе и шелестом страниц медицинских атласов, заменявших ей сказки. Она чувствовала себя хирургом, каждой клеточкой. Поступление в медицинский институт — не победа, а лишь первый вздох перед прыжком в сияющую бездну операционной, где под слепящим светом ламп будут вершиться чудеса спасения ее руками.

Роковой дождь стучал по крыше машины, как метроном, отсчитывая последние секунды ее старой жизни. Усталость слипала веки, а в голове — планы на завтрашнюю сложную аппендэктомию, ее первый настоящий ассистирующий выход. Удар. Звон. Острая, белая молния боли в запястьях. И... тишина. Не темнота, а именно тишина — мира, который вдруг перестал звучать.

Пробуждение было горьким, как полынь. Скованное болью тело, тяжелая голова, и... чужие руки. Забинтованные, неуклюжие, заключенные в холодный металл аппаратов. Слова врача — не гром, а тихое шипение змеи: «...кости... переломы, разрывы... полная функциональность... маловероятна... о микрохирургии... забудь, Катя».

Отчаяние пришло не бурей, а ледяным туманом. Оно заползло под одеяло, сжимало горло по ночам, когда палата погружалась в сон. Она лежала, глядя на эти беспомощные, искалеченные кисти — орудия ее мечты, ставшие грузом. Слезы текли беззвучно, горячими ручьями, растворяя будущее. Операционная в снах теперь была местом пытки: скальпель выскальзывал из онемевших пальцев, падал на открытую грудную клетку пациента, а она не могла даже вскрикнуть. «Зачем?» — шептало отчаяние. «Зачем жить, если самое главное отнято?»

Борьба началась с малого. С первого раза, когда физиотерапевт Сергей, человек с добрыми глазами и терпением святого, вложил ей в ладонь мягкий, ярко-желтый мячик. «Сожми, Катенька. Хотя бы попробуй». Боль была огненной, пальцы — деревянными колодками. Мячик упал. И снова. И снова. Она плакала от боли и бессилия, кричала на Сергея, швыряла этот проклятый мячик через всю комнату. Но утром, сквозь опухшие от слез глаза, она видела его — тот же мячик, терпеливо лежащий на тумбочке. И крошечный уголок упрямства внутри нее разгорался: «Нет. Не сдамся. Я — Катя. Я должна...» И она протягивала дрожащую руку. Снова. Каждое микроскопическое движение было победой, оплаченной слезами и потом.

Стойкость духа Кати была не громкой, а тихой, как биение сердца. Она училась заново — держать ложку (первые капли супа на больничной рубашке были позором и триумфом одновременно), писать корявыми, детскими каракулями. Она снова открыла медицинский журнал, и первые статьи о хирургии резали, как нож, но она читала дальше, сквозь боль. Она согласилась на экспериментальные процедуры — иглы, ток, надежда, смешанная со страхом. Руки никогда не станут прежними. Легкая дрожь, тугоподвижность, неуверенность в мелких движениях — ее вечные спутники. Скальпель навсегда уплыл из ее рук, как корабль в туман.

Однажды, Катя, сидя на скамейке в парке на территории больницы услышала тишину летнего дождя.

Это была иная музыка, сотканная из шепота и касаний.

Представьте: тяжелый, теплый воздух, налитый предчувствием, вдруг разрезает первый шорох. Не грохот, нет. Словно миллион невидимых ног зашуршали в листве, сбегая с неба. Это шелестящее обещание. Потом — тиканье. Первые капли, робкие и редкие, как серебряные

монетки, падают на раскаленный асфальт, на пересохшие листья лопуха, на пыльную скамейку. Каждая — маленький вздох облегчения земли.

И вот он накрывает все мягким, бархатным покрывалом звука. Шум дождя — не гул, а бесконечный, мерный перелив. Это шепот миллиардов капель, сливающихся в один глубокий, успокаивающий гул. Он не оглушает, а окутывает. Затягивает в свою влажную, прохладную объятья. Звуки мира отступают, приглушенные этой жидкой пеленой: крики детей растворяются, гул машин становится далеким рокотом, даже собственные мысли замедляют свой бег.

Тишина внутри гула. Это парадокс. В самой густоте дождя рождается особая, пронзительная тишина души. Стоишь у окна, прижав ладонь к прохладному стеклу, следишь за струйками, бегущими вниз, как жидкое серебро. Мир за стеклом размыт, краски приглушены до оттенков серого, зеленого и влажного блеска. Деревья стоят, благоговейно склонив кроны, купаясь в этой небесной благодати. Каждая травинка, каждый лист дрожит под невидимыми ударами-ласками, смывая пыль ушедших дней.

Воздух. Он меняется на глазах. Сперва — тяжелый, сладковатый запах озона, электрический и чистый. Потом его сменяет глубокий, земляной аромат петрикора — дыхание пробудившейся почвы, смешанное с терпкой свежестью мокрой зелени и коры. Им дышишь, как живительным эликсиром, наполняя легкие до самого дна. Эта влажная прохлада проникает в дом, в комнату, окутывает кожу, заставляя втянуть воздух глубже, полной грудью.

Время замедляется. Кажется, будто весь мир замер в этом влажном созерцании. Нет спешки, нет дел. Есть только мерный стук дождя по крыше — древний, как само время, ритм. Он убаюкивает, медитирует. Мысли, кружившие роем, успокаиваются, ложатся на дно сознания, как песок в мутной воде. Остается только наблюдать. Следить, как капля, повисшая на кончике листа, растет, тяжелеет и наконец падает, сливаясь с общим потоком. Как по стеклу ползут извилистые реки, сливаясь и расходясь. Как мир за окном дышит ровно и спокойно.

Это тишина — не пустота. Это наполненность. Наполненность влагой, звуком, запахами, покоем. Это момент, когда природа говорит шепотом, но его слышит каждая клеточка. Это передышка для земли и для души. В этой тишине летнего дождя слышится древняя мудрость роста, очищения и тихого возрождения. Она не оглушает, а исцеляет, напоминая о простом, вечном ритме жизни, где после зноя всегда приходит прохлада, а после шума — благословенная, звенящая влагой тишина.

Для Кати после ужаса, страха, отчаяния и оцепенения пришла тишина и покой.

Когда в ее палату, пропахшую лекарствами, заглянул седой профессор кардиологии, друг отца. Он увидел не сломленную девушку, а стопки медицинских книг у ее кровати и тот самый, не погасший огонек в глубине глаз. «Катюша, — сказал он мягко, усаживаясь на краешек кровати, — скальпель — лишь один инструмент. Сердце... оно ведь говорит. Шепчет, стучит, плачет. Его можно услышать. Понять. И вылечить — не только руками, но и головой, и душой. Кардиология — это целая симфония, где дирижер — твой ум и твое сердце врача».

Эти слова стали ключом. Катя перерождалась. Она погрузилась в кардиологию с прежней страстью, но теперь ее оружием стали невероятная наблюдательность (усиленная потерей), феноменальная память на детали, умение слушать — не только стетоскопом, но и пациентов. Она ловила то, что ускользало от других: тень тревоги в глазах, неуловимую паузу в рассказе, едва заметную аномалию на длинной ленте ЭКГ, которую она читала, как поэт — стихи. Она научилась расшифровывать тайный язык сердца. Она стала уникальным кардиологом-диагностом, к чьему мнению прислушивались маститые хирурги перед сложнейшими операциями. Она спасала жизни, находя брешь в болезни не ножом, а мыслью.

Личная жизнь оставалась тихой заводью. Максим, ее архитектор, с его чертежами будущих домов, ушел. Сначала помогал, потом взгляд его стал рассеянным, а прикосновения — осторожными, как к хрусталу. «Ты стала другой, Катя. Я не могу...» — его последние слова висели в воздухе, как дым. Позже были попытки. Кто-то не выдерживал ее погруженности в

работу, кто-то неловко отводил глаза от ее чуть дрожащих рук за чашкой чая, кто-то просто не понимал ее мира. Она научилась ценить тишину своего вечера, чашку горячего чая, который сама наливала, пусть и неловко. Но по ночам, когда город затихал, в ее маленькой квартирке иногда звучала тихая нота одиночества. Мечта о простом человеческом тепле, о руке, которая обнимет не из жалости, а просто потому, что она — Катя.

Кабинет Кати — не операционная, но святилище. Здесь пахнет книгами, бумагой и... иногда тем самым печеньем. На столе — фотография папы в молодости, где он тоже с хирургическим инструментом. На стене — та самая открытка от Саши. Когда к ней приходит пациент, она смотрит не только на кардиограмму. Она смотрит в глаза. Видит страх, надежду, усталость. Кладет теплую ладонь с едва заметной дрожью на запястье, чтобы почувствовать пульс — ритм чужой жизни. И слушает. Внимательно, как музыкант камертон. Ее глаза по-прежнему горят тем же сосредоточенным светом, что и в мечтах об операционной.

Она не режет сердца. Она их слышит. Она понимает их тайные песни о боли и надежде. Она находит путь к исцелению не лезвием, а умом, сердцем и той невероятной стойкостью, что выковалась в горниле ее собственной боли. Ее путь оказался иным. Более тернистым. Более тихим. Но он привел ее туда, где она была нужна. Туда, где ее собственное большое, раненое, но не сломленное сердце врача нашло свою истинную мелодию — мелодию спасения. И в этой музыке была ее победа.

Вероника

Автор Айлин Ан

Работала на заводе мастером ОТК молоденькая девушка: высокая, стройная, волосы каштановые, кожа в конопушках, которые ее только красили. Всем она была хороша: и внешне, и умом, и умением себя вести, и ответственностью в работе. Невеста завидная, одним словом. Но ребятам на заводе не повезло: Вероника еще в семнадцать лет познакомилась в автобусе с парнем старше нее на пять лет, да так влюбилась, что через пару месяцев привела его за ручку домой к родителям и объявила, что теперь Виктор будет жить с ними. Родители Вероники были шокированы: их домашний цветочек, их умница дочка, которая только полгода назад окончила школу с золотой медалью и на радость родителям поступила в престижный вуз на бесплатное место, совершила такой поступок. Пытались они, конечно, переубедить их: говорили, что рано, ей еще и восемнадцати нет, что надо узнать друг друга получше, пообщаться, а уж потом жить вместе.

Но Вероника ничего и слушать не хотела и просто, глядя прямо в глаза родителям, сказала:

— Я давно не девочка, и Виктор вовсе не первый мой мужчина. Так что, если за это переживаете, то уже неактуально. Если Виктор будет жить у нас, то вам же спокойней будет, иначе я буду допоздна засиживаться в его общаге и по ночной темени возвращаться домой. Мама, ты ж первая начнешь охать и за сердце хвататься, если я буду то и дело задерживаться. А тут я вам честно всё сказала: всё будет перед вашими глазами, всем будет спокойней, — абсолютно невозмутимо, упрямо и совершенно неожиданно по-взрослому прозвучали для родителей слова Вероники.

Мама села на стул, сложила руки на коленках и долго-долго их рассматривала, как будто там что-то было написано об этой ситуации, подсказка, как правильно поступить. Повисло неловкое молчание. Всё это время Виктор молчал, он произнес только «Здравствуйте» и дальше просто наблюдал за реакцией родителей Вероники.

Но тут он решил нарушить молчание:

— Уважаемые родители Вероники! Я понимаю, как мы вас шокировали: меня вы видите впервые в жизни, я сам бы не понял, поступи так моя дочь. Вероника заверила меня, что вы сможете понять и принять наше решение. Я от себя могу сказать, что учусь на последнем курсе на архитектурном факультете, уже почти год работаю на московскую фирму удаленно, выполняю заказы по специальности. После защиты диплома планирую устроиться уже официально на полный рабочий день в эту компанию. Платят достойно, сможем со временем взять ипотеку и приобрести отдельное жилье. С детьми спешить не будем, Вероника пусть учится спокойно: образование — важная часть нашей жизни. А в целом я неплохой парень: не пью, не курю, не дерусь, из обычной семьи. Мама —повар в школьной столовой, папа —водитель автобуса. Я у них один, братья, сестры только двоюродные. Как скажете, так мы и сделаем. Прогоните, вернусь в общагу, будем встречаться и дальше у меня; разрешите остаться, будем жить семьей, — Виктор говорил с серьезным лицом, голос был поставленный, чересчур взрослый для его лет, видно было, парень себе на уме, себя в обиду не даст и от своего не отступится.

Папа Вероники, до сих пор стоявший опершись о дверной косяк, тихо сказал:

— Оставайтесь, комната ваша. Помогать будем, учитесь спокойно. И чтоб без глупостей, — махнул рукой в сторону комнаты Вероники и ушел на балкон курить.

Видно было, решение ему далось с трудом, и он сам не понимал до конца, верно или нет он поступил. Просто дочка застала его врасплох и приперла к стенке.

Вот так прожили Вероника и Виктор вместе почти шесть лет. Они, как и говорил Виктор, детей не заводили, ипотеку взяли и купили однокомнатную квартиру, сделали в ней ремонт, а перед самым переездом Виктор вдруг предложил продать ее и взять двушку.

— Вероника, ну ты подумай: через два года ты закончишь учебу, поженимся, захотим ребеночка родить. И что, нам его в однушке растить? Сейчас, пока живем с твоими родителями, они нас кормят, за коммуналку платят, мы копим спокойно денежки и можем купить двушку и отремонтировать ее полностью к твоему диплому. Потом сложнее будет намного. Ты подумай, давай с твоими родителями обсудим, — методично раскладывая все плюсы своего решения, Виктор смог уговорить и Веронику, и ее родителей в абсолютной правильности своего решения.

В душе Вероника была недовольна. Она давно мечтала жить отдельно, самостоятельной независимой семьей, самой хозяйничать на кухне, самой выбирать мебель в квартиру, да и в целом это же совсем другое — жить отдельно от родителей. Она об этом мечтала, а Виктор, напротив, как будто старался максимально продлить их совместное проживание с ее родителями и вовсе не тяготился таким раскладом в жизни. Периодически на этой почве стали возникать конфликты, но каждый раз Виктор мог найти нужные слова, чтобы убедить Веронику, что она молода, глупа и недалёковидна, что он ведь для нее и их совместного будущего старается, а она вот совсем не ценит все его усилия и жертвы. Ведь он мог бы деньги тратить на друзей, гулянки и путешествия, а он всё до последней копейки вкладывает в их будущее гнездышко.

Вот настал год, когда Вероника окончила вуз с красным дипломом и устроилась на работу на завод. Виктор занимался ремонтом их семейного гнездышка, и теперь и зарплата Вероники полностью уходила на эти нужды. Если же Вероника тратила часть денег на себя, покупая новую одежду — все-таки теперь она ходит на работу, а не в универ, и тут совершенно другой подход к тому, как нужно выглядеть сотрудникам, — тут же вспыхивал скандал.

— Вероника, снова ты тратишь деньги черт-те на что! Я столько лет во всем себе отказывал, чтобы у нас была квартира мечты, а ты сейчас не хочешь помочь доделать ее, ведь каждая копейка на счету. Надо приобрести всю технику, мебель, еще душевая кабина даже не куплена в ванную, а ты себе шмотки обновляешь. Ну зачем тебе принаряжаться-то, а? Перед кем ты хвостом крутишь на работе? У тебя вообще-то дома муж есть, или ты забыла уже? — каждый раз бешено кричал Виктор, трясая ее за плечи, так что пальцы отпечатывались на коже синяками.

Вероника плакала, и это еще больше бесило Виктора. Он хлопал дверьми, кричал на родителей Вероники, что вырастили черт-те что, а не дочь, и уходил в не отремонтированную квартиру. Он мог там жить неделями и даже не звонить. Вероника каждый раз первая была вынуждена идти к нему на поклон, извиняться, отдавать деньги и обещать, что будет помогать ему. Виктор корежился какое-то время, но потом делал вид, что прощает всех, и возвращался жить в квартиру к ее родителям.

В одну из таких ссор, когда Виктор снова ткнул ее наличием мужа дома, Вероника неожиданно выпалила:

— Какой муж? Нет у меня никакого мужа, мы до сих пор не женаты! Ты сам-то это помнишь?

Веронику трясло. Глядя в кровавые от злобы глаза Виктора, она испугалась, вырвалась из его цепких пальцев и выбежала на улицу. Далеко убежать у нее не хватило сил: ноги подкосились, и она села на лавку у подъезда и завывала так ужасно, что проходящие мимо люди думали, что у нее припадок, и старались ускорить шаг и пройти побыстрее мимо.

В этот день впервые Виктор сам вышел к Веронике, молча взял ее за руку и повел в дом. Он с силой толкнул ее на кровать, накрыл одеялом и скомандовал:

— Спи!

Это прозвучало зловеще, но сил сопротивляться у Вероники не было. Она уснула и проспала мертвым сном до самого утра.

С тяжким сердцем, в сильнейшем нервном напряжении, перебарывая себя, Вероника терпела выходы Виктора в надежде, что вот-вот исполнится их мечта: квартира будет готова, и они смогут переехать, пожениться и задуматься о рождении детей. Она заставляла себя рисовать в воображении радужные картины будущего, чтобы настоящее не казалось столь безнадежно печальным.

Видя, как мучается их дочь, родители Вероники, не сказав ей, взяли деньги в кредит в банке и купили молодым в квартиру всю бытовую технику: телевизор, холодильник, микроволновую печь, стиральную машинку, утюг и даже пылесос. Им казалось, что это поможет ускорить переезд и спасет рассыпающиеся на глазах отношения Виктора и Вероники. Виктор был очень доволен подарками. Неделью он ходил воодушевленный, рассказывал всем, какие же они молодцы — вместе строят квартиру мечты и уже почти у цели. Виктор напоминал одержимого: давно уже можно было бы переехать, если бы не его стремление сделать всё досконально, до последнего гвоздика, и не из простых материалов, а из самых дорогих.

— Строим один раз и на всю жизнь. Так пусть всё будет из лучших материалов, чтобы долгие годы глаз радовало, — говорил он и гордо демонстрировал своим знакомым уже сделанную работу в квартире.

И вот настал час икс. У Виктора тянуть уже больше не было возможности, всё отремонтировали, всё обустроили, даже бытовую химию, посуду и текстиль в дом закупили. Надо было переезжать.

— Ну что, начинайте паковать чемоданы. В добрый путь, молодые! Счастья вашему дому, пусть все ваши усилия будут оправданы и вернутся благополучием в ваш дом, — сказал папа Вероники на вечернем застолье.

Виктор понимал, что тот прав, но его как-то пугал момент переезда. Он уже месяц откладывал его под разными предлогами, но все отговорки закончились.

— Да, пора задумываться о переезде. Надо еще раз вымыть квартиру после ремонта, — ответил Виктор.

— Да какой уж там «задумываться»! Пора дело делать, а то состаритесь у нас, пока думы будете думать. А что мыть-то, Виктор? На прошлой неделе же Вероника с матерью там сделали генеральную уборку. Всё блестит, не переживай, — с явным раздражением в голосе сказал папа Вероники.

— В выходные переедем. В рабочие дни не очень удобно собираться, да, Виктор? — обратилась бесцветным голосом Вероника к Виктору.

Она говорила и сама не верила в свои слова. Уже так давно об этом говорят, что кажется это уже чем-то нормально бесконечным, которое просто не может взять и закончиться.

— Да, правильно, в выходные и переедем, — неожиданно быстро ответил Виктор, стараясь закрыть эту тему на сегодня.

На календаре только вторник, до выходных всякое может случиться, думал про себя Виктор, и эта мысль грела его и теплила надежду непонятно на что. Виктор сам уже в свои слова не верил. Полгода назад он хотел было заикнуться, что надо бы эту двушку на трешку поменять, благо цены на жилье на первичном рынке заметно упали, есть выгодные ипотеки, можно бы вложиться в будущее. Но, встретив практически истерическое сопротивление со стороны Вероники и ее родителей, он понял, что в этот раз по его плану сделать не получится.

Всю неделю Виктор ходил как в воду опущенный, молчал и хмурился, на вопросы предпочитал отмахиваться, мол, всё нормально, не приставайте. Вероника тоже была явно расстроенной, она уже побаивалась оставаться с Виктором наедине в новой квартире: он был непредсказуем и пугал ее своим фанатизмом и невероятной увлеченностью этой квартирой. Это уже

смахивало на болезнь, ведь он проверял каждый раз, хорошо ли открываются окна, не скрипят ли петли на дверях, не капает ли где кран, гладил предметы в квартире и приговаривал:

— За тебя я заплатил тридцать две тысячи, ты должна мне служить верой и правдой. Не забывай, пожалуйста, об этом.

А когда Вероника села на новый кожаный диван в зале, он рывком поднял ее и предложил пока не сидеть на нем, ведь следы остаются в виде вмятин от пятой точки на поверхности кожи на диване. Лучше пока посидеть на полу.

— Зачем мы его купили-то, если нельзя сидеть на нем? — попыталась возразить Вероника.

— И что, теперь всё надо сразу испортить? Что ты за человек такой, а, не даешь насладиться обстановкой даже? Можно же потерпеть немного! Пусть хоть какое-то время всё будет новеньким и чистеньким, — сразу же набросился на нее Виктор.

И Вероника поняла, что эта квартира станет для нее не уютным семейным гнездышком, а домом-музеем имени Виктора, и не дай бог что-то в нем испортить или испачкать...

В субботу утром во время завтрака Виктор неожиданно сказал:

— Вероника, иди возьми вещи. Сегодня будем ночевать в квартире, попробуем, всё ли там обустроено как надо, сможем ли уже жить там.

Вероника молча встала и ушла в комнату, быстро сложила несколько вещей в пакет и села на кровать. Вещи Виктора она не трогала: он не любил, чтобы кто-то занимался ими, он сам их стирал и гладил и сам их собирал, если было нужно.

Виктор, зайдя в комнату, скомандовал:

— Поехали!

— А ты вещи не возьмешь? — машинально спросила его Вероника.

— Нет, я всё новое себе туда купил. Если чего-то не хватит, тогда заберу отсюда.

Ответ немало удивил Веронику. Ей он не разрешал ничего покупать, а себе, значит, купил всё новое в квартиру.

Но говорить об этом вслух она не решилась, ведь понимала, что начнется новый виток скандала и они никуда не поедут.

Первые часы в квартире Виктор объяснял Веронике, что можно, а что нельзя трогать и включать, особенно внимательно показывал ей кухню.

— Да знаю я тут всё, вместе же ремонтировали и обставляли. Чего ты мне сейчас-то рассказываешь это? — устав от его нравоучений, сказала Вероника.

— Неужели так сложно послушать? Вместе, говоришь? Я впахивал, пока ты училась, и вкладывал всё сюда. Это вовсе не значит вместе, это мой труд, — тут же вспылил Виктор.

— И мой тоже. Я год уже работаю. И моих родителей тоже, они нас всё это время кормили и денежками помогали. Когда надо было, и технику всю купили, — спокойно ответила Вероника.

Сказав это, она зажмурилась. Ей казалось, что Виктор сейчас ударит ее, настолько перекошенным было его лицо — то ли от ярости, то ли от негодования по поводу услышанного.

— Ах так, да? И твое, и твоих родителей??? — заорал Виктор. — Нет, дорогуша моя, это всё только мое, мое, мое!!! — Виктор орал без остановки.

Вероника смотрела на него и не понимала, что она в этом человеке когда-то нашла. Это же больное, алчное, заикленное чудовище, нуждающееся в лечении.

Но она молчала, сидела тихо и неподвижно, устремив взгляд в пол, и ждала, когда он закончит орать и успокоится.

Но Виктор не успокаивался. Слова Вероники послужили триггером к его глубинным страхам: он так яростно хотел единолично владеть квартирой, что вся помощь за эти годы казалась ложью.

— Что ты молчишь, а? Говори, поняла меня или нет??? Говори же!!! — он кричал с пеной у рта, а на его лице застыло выражение ужаса.

Вероника продолжала молчать. Она всё поняла: нет никакого семейного гнездышка, есть его квартира, его мебель, его вещи. Она тут явно лишняя, помеха, которую надо устранить, и он это сделает рано или поздно. Так чего же тянуть время? Уже и так потрачено шесть лет, шесть долгих лет юности на этого бездушного, маниакально больного, заикленного человека.

Вероника встала в полный рост, подняла гордо голову, посмотрела ему прямо в глаза и твердо ответила:

— Это твое только по закону, так как мы не женаты, и всё записано на тебя. А по совести это и мое тоже. Столько лет мы жили вместе у моих родителей, они помогали, я помогала, а теперь ты всё забыл.

Вероника почувствовала удар по голове и то, как тело, как тряпочка, полетело куда-то к стене. Снова удар — уже спиной об стену, и падение на пол. Были шок, растерянность, обида, боль сначала даже не ощущалась. Виктор подбежал к ней, попытался поднять. Видимо, остатки разума или совести все-таки в нем сохранились, и он понимал, что так поступать бесчеловечно и уголовно наказуемо. Вероника толкнула его, встала сама, шатаясь и хватаясь рукой за стену.

— Не трогай стену, ты ее пачкаешь! Кровь потом не отмою, — завопил Виктор.

Вероника посмотрела на кровавый след на стене, который оставался от ее руки, потом на свою руку и тут только поняла, что голова у нее разбита, кровь на руке оттуда.

Она в изумлении посмотрела на Виктора и сказала.

— Только это тебя волнует? Ты разбил мне голову. Вместо того чтоб вызвать скорую, ты боишься за стены??? Боже, как я с тобой жила столько времени? Какая я дура.

Вероника, сказав это, снова сползла по стене на пол. Голова раскалывалась, перед глазами прыгали блики, сосредоточиться никак не получалось. То и дело возникала мысль, где же телефон. Надо кому-то позвонить, но кому? Родителям точно нельзя, это их убьет, и так нервы изрядно измотаны. Тут Виктор, как будто поняв ход ее мыслей, швырнул ей ее мобильный телефон и сказал:

— Вызови себе такси и убирайся из моего дома. Жить ты тут не будешь. Я тебя бросаю. Бери свою куртку и уходи, больше твоего здесь ничего нет.

Вероника его не слушала, она пыталась вспомнить хоть кого-то, кому можно было бы довериться в такой ситуации. За шесть лет жизни все знакомые и друзья отвернулись от нее: кого-то обидел Виктор, кого-то оттолкнула она сама, боясь гнева Виктора. А теперь вот и позвонить некому.

Она листала список контактов в телефоне и вдруг натолкнулась на номер своего одноклассника. Он был в нее когда-то влюблен, она его сильно обидела и давно хотела попросить прощения, но не решалась. Тут почему-то Вероника подумала, что пришло время, и набрала его номер. Виктор вышел на балкон, и она могла спокойно поговорить.

— Алло, — сказал полусонный голос на другом конце трубки.

— Привет, Паша, это Вероника. Помнишь меня? — тихо ответила Вероника.

— Вероника... Конечно, помню, ты что, шутишь? Ты что, плачешь? Что случилось, ты где? Я сейчас приеду, — голос уже звучал бодро и взволнованно.

— Прости меня, Паша, я плохо поступила с тобой. И сейчас мне плохо. Не знаю, почему тебе позвонила. Помоги, заberi меня отсюда, — уже рыдая и сбиваясь, сказала Вероника.

— Диктуй адрес, — серьезно ответил Паша.

— Пирогова, дом четыре, квартира сто шестнадцать, — прошептала Вероника, сама боясь того, что делает.

Не пошло и пятнадцати минут, как в дверь позвонили, Вероника попыталась было подняться, но не смогла: всё поплыло перед глазами, и она снова рухнула к стене. Виктор направился к двери и, не спросив, кто там, открыл ее.

— Что надо? — спросил он явно взволнованного и запыхавшегося молодого человека.

— Мне надо забрать Веронику. Она здесь? — ответил он Виктору.

— Не понял, а ты кто такой? — глаза Виктора начали наливаться кровью, и он попытался схватить за грудки Пашу.

Но это же не девушек бить! Паша давно занимался самбо, и его не так-то просто было сбить с ног. Паша перехватил инициативу, оттолкнул Виктора от двери и зашел в квартиру.

— Вероника, ты здесь? — крикнул в пустоту Паша.

— Я в зале, — тихо-тихо ответила Вероника.

Всё было как в тумане: неужели это правда происходит с ней.

Паша молниеносно ворвался в зал, увидел Веронику, избитую, с окровавленной головой. Она протягивала руку вперед и явно не могла встать.

Следом влетел Виктор и попытался снова схватить Пашу за руку. Но тут уже Паша себя не сдерживал — с одного удара он отправил Виктора в нокаут. Поднял Веронику на руки и вынес ее из квартиры. До машины он ее крепко сжимал в руках и шептал ей на ухо успокаивающие слова. Вероника не очень понимала, что же он говорит, но, чувствуя сильные руки и тепло его тела, нежность голоса, она ощутила, что ей стало легче и намного спокойнее.

Паша привез ее в травмпункт, где все побои зафиксировали и оказали Веронике нужную медицинскую помощь. До утра Веронику продержали в больнице, Паша не отходил от нее ни на шаг. Как только врач разрешил уйти домой, Паша отвез ее к себе в квартиру. Он жил один, ни семьи, ни детей у него не было, поэтому он мог позволить себе спокойно привезти в дом гостью.

Почти неделю Вероника лежала, спала и плакала, прерываясь на короткое время немного поесть, и то Паша буквально с ложечки ее откармливал. Раны физические затянулись раньше, чем душевные. На работе она взяла за свой счет, родителям ничего не говорила, на их звонки отвечала коротко, что всё хорошо и что ей некогда, много дел по хозяйству. Паша трепетно ухаживал за ней, не задавал вопросов, не лез с советами, просто был рядом в этот трудный момент ее жизни, служил ей поддержкой и опорой.

Вероника еще неделю прожила у Паши: он возил ее на работу, встречал после нее, она убиралась в его квартире, готовила им кушать, даже пару раз постирала и погладила его белье. Они жили как будто они пара, однако в реальности это было не так.

Когда уже исчерпали возможности дальше скрывать от родителей, которые просто рвались навестить дочь, пришлось признаться, что она больше не живет с Виктором.

— Вероника, сегодня мы с папой после работы к вам с Виктором заедем на чай, посмотрим, как вы. Может, чем помочь сможем, — сказала мама Веронике, позвонив в очередной раз дочери, чтоб узнать, как у нее дела.

— Не надо, мама, приезжать туда, меня там нет. Мы расстались. Приезжайте по другому адресу, я скажу куда. Я всё расскажу, — ответила Вероника.

— Через час будем, — коротко ответила мама.

Мама Вероники не знала, горевать или радоваться: в душе она была счастлива, что ее дочь смогла избавиться от этого маниакального деспота, но, конечно, было жаль потраченных лет и денег на квартиру.

Родители поддержали Веронику. Папа попытался вразумить Виктора, съездил к нему, но тот даже дверь не открыл, а лишь крикнул, что отдавать деньги за технику не собирается — это будет компенсация ему за моральный ущерб, который дружок Вероники ему нанес.

— Да подавись ты своей квартирой и деньгами! Тьфу, противно даже, — сказал отец Вероники и ушел.

Больше ни Вероника, ни ее родители Виктора не видели и не слышали о нем ничего. Все его вещи они вынесли в гараж на случай, если он решит их забрать, а через два года — на

помойку. Вероника же хотела сначала вернуться к родителям, но Паша уговорил ее остаться у него, без обязательств, просто пожить как гостя. Она согласилась. Через месяц они стали любовниками, а через три месяца Вероника неожиданно заявила Паше, что он ей надоел, собрала свои вещи и уехала к родителям. Паша пытался выяснить, что же произошло: звонил — она его заблокировала, приезжал домой — не стала говорить.

— Паша, ты хороший парень. Мы с матерью были так рады, что Вероника с тобой. Не знаю, что на нее нашло, ее как подменили: говорит, видеть тебя не хочет. Нарядов себе накупила откровенных, краситься стала, как не поймешь кто, и уже который раз уходит с подружками на гулянки в клубы какие-то, приходит под утро, явно навеселе. У нее крыша прям поехала... Нас не слушает совсем, мать, вон, с валидола не слезает, плачет без конца. Прости Паша, что она так делает, прости, — чуть не плача говорил ему отец Вероники, который вышел к нему в подъезд вместо дочери.

— Я понял, дядь Петь. До свидания, — процедил сквозь зубы Паша и ушел.

Он очень тяжело переживал такое предательство, не понимал, за что, что он сделал не так. Начал пить, и еще немного, спился бы совсем. Но тут появилась равнодушная к нему девушка, которая вытащила его из этого состояния, привела в чувство и женила на себе. У Паши родились двое прекрасных детишек, и он стал очень хорошим семьянином. Жену он очень ценил и уважал, но любовь к Веронике навсегда осталась незаживающим рубцом на его сердце.

А Вероника тем временем начала крутить то с одним коллегой по работе, то с другим, но всё поверхностно, на уровне флирта, максимум — в кино сходить вместе. Ближе никого не допускала к себе.

Водитель Миша, недавно женившийся на девушке из своей деревни и еще пару месяцев назад хваставший своими фотками со свадьбы, неожиданно для всех попал в сети Вероники. Он, как теленок, ходил за ней, делал всё, что она ему велит, даже если это шло ему во вред. Вероника безбожно его эксплуатировала: он возил ее на работу, подвозил обратно с работы, ездил для нее за пиццей посреди рабочего дня, получал ее посылки на «Вайлдберриз» и «Озоне». Она его использовала как личного курьера и водителя. И ничего не давала ему взамен. А он влюбился не на шутку. Все на работе переживали за него, говорили с ним, и не раз, но он никого не слушал.

— Вероника, прекрати Мишу эксплуатировать,пусти мальчишку. Чего вцепилась-то? Нехорошо поступаешь. Он женился только, жена у него хорошая, подстать ему. Ты же ему ничего не дашь, так не разрушай то, что у него есть, — так пыталась вразумить Веронику тетя Вера, кладовщика на заводе.

— Иди-ка ты в свою кладовку, Вера, и не лезь ко мне, — грубо ответила ей Вероника и ушла.

— Зря ты так. Бог накажет за такие дела, — продолжала тетя Вера.

— Так меня ж накажет, а не тебя. Вот и не переживай, — ответила ей Вероника и ушла.

Вероника стала словно одержимая: шла по головам мужчин, уничтожала их без тени сомнения или сострадания. Благодаря новому дерзкому образу, который она себе подобрала, Вероника была невероятно притягательна для противоположного пола. Мужчины летели на ее сияние, как мотыльки на огонь. А она этим пользовалась, давала им сгореть дотла и выбрасывала, даже не оборачиваясь, и, ни секунды не задумываясь, переходила к новой жертве.

Конечно же, изменения в Мише вскоре заметила и его жена, начала задавать вопросы. А Миша, так и не разобравшись в том, что его цинично используют, выдал ей всю правду.

— Оленька, прости, я тебя больше не люблю. Я влюбился в девушку на работе, ее зовут Вероника. Я с тобой развожусь, — сказал Миша с виноватым видом своей жене.

Оленька была шокирована: они женаты меньше года, а до этого встречались три года. Он же ее любил, так звал замуж, ухаживал. Что же случилось-то?..

Она рыдала несколько часов подряд. Потом боль и обида перешли в ярость, которую Оленька обрушила на ноутбук и телевизор, купленные в кредит, и судьба их была незавидна: после столь яростного нападения даже самый первоклассный мастер не смог бы им помочь.

Пока Оленька громила вещи и ругалась, Миша взял свою одежду и ушел.

— Привет, Вероника, это Миша. Я ушел от жены. Сказал ей, что люблю тебя, взял вещи и ушел. Вот сижу в машине у подъезда и думаю, куда мне деваться. А к тебе можно приехать? — наивно-просящим голосом сказал Миша в трубку Веронике.

— Ты что, Миша, себе напридумывал такое? Ты что-то путаешь, дружок. Одно дело, ты мне помогал мелкие дела решать, другое, роман с тобой. Ну ты насмешил прям. Кто ты и кто я? Ты же даже заявление на отпуск пишешь с кучей ошибок, ты смешной, не более того. Мне больше не звони, иди к жене своей деревенской, бросайся в ноги, скажи, бес попутал. Может, простит еще. Это лучшее, что тебе в этой жизни светит, — ехидно-надменным тоном отчеканила Вероника Мише.

Миша смотрел на телефон и не понимал, что это сейчас было. Что он услышал такое? Он точно Веронике позвонил? Может, ошибся? От волнения он снова набрал ее номер, но в ответ были лишь короткие гудки — заблокировала... У Миши сердце билось так часто, что, казалось, сейчас разорвется. В голове просто не укладывалось, что такое возможно. Он положил голову на руль и долго-долго так сидел. Он не мог думать, не мог заставить себя поднять голову. Так и заснул.

— Миша, ты что, спал в машине? Миша, ты меня слышишь вообще? — говорила Оленька, стуча в окно водительской двери.

Она заметила его утром, когда шла на работу, и удивилась, что он делает в машине у подъезда. Решила выяснить, всё ли в порядке с ним. Она до сих пор его любила, хотя уже понимала, что жить с ним не станет, но переживала как за родного человека.

— Оленька, что ты здесь делаешь? А я что, в машине спал? — сказал Миша, открывая дверь машины и растерянно озираясь по сторонам. — Оленька, прости меня, пожалуйста. Я последний осел, я тебя обидел. Я не могу врать тебе: я правда влюбился, а она мне в лицо только рассмеялась и сказала, что я никто, чтоб за ней ухаживать. Так что идти мне некуда. Если не прогонишь, я проживу немного еще в этой квартире и съеду, как только найду себе жилье, — Миша говорил, а у самого наворачивались слезы на глаза.

Оленька тоже плакала. Только сейчас Миша понял, что вот оно его счастье, а он его растоптал, погнался за пустой блестяшкой. Будет ему уроком по жизни, жестоким, но уроком.

— Иди домой, умойся, поешь. Я завтрак приготовила по привычке. Потом решим, что нам делать, — спокойно сказала Оленька и убежала на работу.

Миша зашел в квартиру, и так всё сжалось внутри: всё, казалось бы, родное, но уже не его. Оленька навела порядок, о разгроме напоминали лишь два больших мусорных пакета у входа и отсутствие в доме телевизора и ноутбука.

Миша посмотрел на часы и понял, что надо спешить, если он не хочет опоздать на работу. Он на ходу поел, быстренько умылся и поехал.

Всю дорогу он нервничал, даже проехал на красный свет, благо отделался лишь дудкой в спину. Боялся, что увидит ее на заводе, не знал, что сказать, что делать, как вести себя.

Миша практически пробрался в административный корпус завода, всё время озираясь и идя перебежками. Забежал в отдел снабжения и закрыл за собой дверь, облокотился спиной и, прикрыв глаза, выдохнул. Тетеньки из отдела смотрели на него, как на полоумного.

— Ты что, Миша, запыхался так с утра? На тебе лица нет, за тобой что, гонятся? — поинтересовалась Алла Викторовна, начальник отдела снабжения.

— Нет, всё нормально. Это я так, случайно запыхался, наверно, надо худеть, — попытался отшутиться Миша.

Миша прошел в глубь отдела и сел в кресло у окна. Занял наблюдательный пост и начал рассматривать всех, кто к заводу подъезжал и уезжал.

Вдруг он услышал ее голос. По спине побежали мурашки, кулаки непроизвольно сжались. Он весь скукожился в кресле, пытаясь стать невидимым. Он продолжал смотреть в окно, но ничего уже не видел там: весь его слух, всё его сознание и внимание были направлены на Веронику, которая зачем-то с самого утра решила заглянуть к снабженцам.

— Димочка, привет! Мне помощь твоя нужна. Тут у меня водитель личный отвалился, ты меня вечером не подвезешь до дома? — воркующим голоском обратилась Вероника к молодому, недавно устроившемуся на завод снабженцу.

— Привет-привет. Ты не обижайся, но у меня девушка есть, и вечером я не подвожу, так что поищи другого кавалера, — улыбаясь, ответил ей Дмитрий.

Алла Викторовна прям зауважала Дмитрия за такой ответ, можно сказать, разглядела в нем личность сознательную и зрелую.

Миша аж покраснел весь от негодования, но в душе был благодарен Диме, что тот вот так запросто послал Веронику. Жаль, он сам так не мог, он ведь ее любил, хоть сейчас уже практически ненавидел.

— Привет, Миша, ты что там прячешься? От меня, что ли? Да ладно, что жмешься-то? Вылезай из своего укрытия, — иронично обратилась к Мише Вероника.

— Привет, я не прячусь. У меня всё хорошо, — ответил ей Миша, пытаясь скрыть волнение в голосе.

Повисла неловкая тишина: все поняли, что Вероника слила в утиль Мишу и ищет новую жертву. Но масштабы катастрофы для Миши пока еще оставались тайной.

— Вероника, если у тебя всё, то мы, пожалуй, начнем утреннюю планерку. Не возражаешь? — глядя поверх очков, строгим тоном обратилась Алла Викторовна к Веронике.

— Хорошо, Алла Викторовна, начинайте, я пошла. Мне у вас и так скучно стало, — небрежно ответила ей Вероника и ушла, шумно захлопнув за собой дверь.

Алла Викторовна покачала головой ей вслед, выражая свое явное неодобрение ее поведению.

— Ну, говори, что случилось? Каких дров успел наломать? — обратилась она к Мише.

— Я сказал всё Оле, мы разводимся. А Вероника меня послала после этого, — тихо, убитым голосом ответил Миша.

— Ясно. Жить тебе, значит, негде теперь? — спросила Алла Викторовна.

— Негде, — еще тише ответил Миша. — Еще и кредит платить за телек и ноут, а их Оля разбила в гневе, — добавил он, уперев голову в ладони, закрыв глаза и выражая неподдельное страдание на лице.

— Ну понятно. Всё плохо, значит, — раздумывая о чем-то своем, сказала Алла Викторовна уже больше себе, а не Мише.

Минут через пятнадцать она подошла к Мише и протянула ему ключи и записку.

— Миша, это ключи от моей дачи, ты там был как-то. Помнишь, помогал мебель отвезти? Там всё обустроено для жизни круглогодично. Можешь жить там, сколько хочешь, я всё равно после смерти мужа туда не езжу. Всего восемь километров от города, тебе на машине будет нормально. В записке точный адрес. Платить мне не надо, траву вовремя коси, этого будет достаточно, — сказала она Мише.

— Спасибо вам большое, Алла Викторовна, вы меня спасли, — ошарашенно пробормотал Миша, явно не ожидавший поддержки от этой вечно хмурой и невероятно строгой женщины.

Он держал ключи в руках так крепко, как спасательный круг, который мог его спасти из водоворота жизненных событий, случившихся с ним в последнее время.

Через несколько месяцев Миша сумел отпустить ситуацию: он увидел наконец-то истинное лицо Вероники и уже не был тем влюбленным болваном. Было всё еще больно видеть ее, но уже вполне терпимо. Через год Миша, расплатившись с долгами, смог уже позволить себе снимать квартиру на пару с парнем из его деревни. Он много работал: днем на заводе, вечером в такси, иногда даже умудрялся взять ночную подработку по разгрузке товаров на складах, благо он имел право на управление погрузчиком. Миша помогал Оле платить за квартиру, хоть они и были давно в разводе. Он чувствовал свою вину перед ней и понимал, что одна она такое жилье не потянет. Правда, попыток общаться или сойтись заново он не предпринимал, считал это неправильным поступком, он ведь ее не любил, просто привык и считал ее хорошим человеком. А это нечестно, Оля достойна того, кто ее полюбит по-настоящему, кто будет сдувать с нее пылинки и выполнять все ее капризы, а не просто жить с ней и пользоваться ее добротой.

Вероника же продолжила свой беспощадный марш по мужчинам. Вскоре на заводе потенциальных жертв больше не осталось, и она стала переключаться на братьев и мужей своих подруг, потом — знакомых. Итогом всего ее безумия стал бойкот по отношению к ней практически всего женского персонала завода, знакомых и подруг. Ее просто стали сторониться, и тем более никто не решался ее куда-то пригласить в компанию.

Вероника не отчаивалась, казалось, ей плевать на такой ход событий. Она то и дело тусовалась до утра в клубах, порой даже не гнушалась явиться на работу прямо с гулянки во всем боевом раскрасе. На работе накидывала производственный халат на свой сверхсексапильный наряд и так отработывала день.

Однажды она всех удивила — вдруг пришла на работу в джинсах, белой футболке и кроссовках, с минимальным макияжем и конским хвостом на голове. Под удивленные взгляды персонала она прошла в отдел кадров и уведомила, что сменила фамилию в связи с вступлением в брак. Вероника гордо предъявила кадровичке новый паспорт, СНИЛС и свидетельство о заключении брака. Если верить документам, то замужем на тот момент она была уже месяц с лишним.

— Вероника, ну ты даешь! А чего раньше не сказала? Мы бы тебя поздравили, — удивленно рассматривая документы, пробормотала кадровичка.

— А чтоб не расслаблялись. Да вряд ли тут есть желающие меня с чем-то поздравлять, смотри на вещи трезво, — серьезно ответила Вероника и ушла.

В этот день это была главная новость на заводе. Конечно же, люди из любопытства стали приходить поздравлять Веронику и задавали ей вопросы про мужа. Но Вероника только отшучивалась и так ничего не рассказывала.

Сказать, что она изменилась в браке как человек, было сложно. На работе она оставалась такой же дерзкой и колючей, а дома никто не знал, какая она теперь. Через полгода Вероника ушла в декрет, из которого не выходила целых шесть лет, рожая одного ребенка за другим. Доходили слухи, что у нее муж — обеспеченный человек, и ей нет нужды работать. Да и с детьми ей помогают няньки, вот она и рождает на радость мужу. Другие говорили, что ее теперь не узнать — примерная мать и замечательная жена на зависть всем. А как на самом деле, на заводе вряд ли узнают, ведь она все связи оборвала и оберегала свой семейный покой очень чутко.

Женька

Автор Айлин Ан

Красивая, эффектная блондинка, на которую все невольно оборачивались. Она прекрасно знала, как магнетически действует на мужскую половину офиса, и умело этим пользовалась.

Женька была единственным ребенком в семье: избалованная, не знающая отказа, холеная и взлелеянная родителями. У нее с детства было всё что душе угодно. Стоило ей топнуть ножкой, как папочка бежал в магазин: красивые платья, украшения, последние модели игрушек — всё было у Женечки. Удивительно, что это нисколько не испортило светлый и легкий нрав Женечки. Она была доброй девочкой, немного простоватой в манерах, любила веселиться, гулять и мечтать.

К учебе Женечка относилась посредственно.

— Мамусик, ну это так скучно. Давай лучше в парке погуляем! — с кислым личиком обращалась она к маме, и та мгновенно поддавалась на нехитрую манипуляцию любимой доченьки.

К выпускным экзаменам у Женечки была куча ухажеров и столько же двоек. Если с ухажерами она справлялась вполне умело сама, то с двойками помогали родители. Папа закупал тоннами подарки, а мама не вылезала из кабинета директора школы, выпрашивая аттестат «хотя бы с троечками» для дочери.

В итоге родители купили Женечке место в коммерческом институте, куда та ходила с переменным успехом. Ее посещения в основном зависели от того, был ли там объект мужского пола, который мог ее заинтересовать. Если жертва находилась, то Женечка распушала свои перья, заставляла папку обновить ей гардероб и выходила на охоту. Устоять перед ней никто не мог, и вскоре новая жертва пополняла коллекцию побед Женечки. Вот только любвеобильной мадемуазель надолго не хватало. Максимум на пару месяцев. А дальше она забрасывала кавалера вместе с учебой.

Мама давно смирилась с Женькиными закидонами, а папа ждал, когда же найдется тот, кто полноценно станет для нее кошельком и избавит его от этого бремени.

Время шло, Женька меняла кавалеров, но никого так и не воспринимала всерьез.

— Доченька, тебе уже двадцать два года. Ну сколько можно водить парней за нос? Мы с папой всё ждем, когда же ты по-настоящему влюбишься. Может, ты повнимательнее приглядишься к своим ухажерам? Как бы с твоей легкомысленностью не упустить хорошего человека, — решила поговорить о наболевшем мама Женьки.

— Мамусик, вы что хотите, чтоб я замуж вышла? — спросила в ответ Женька.

— Конечно! Мы с папой и внуков хотим, — воодушевленно ответила мама.

— Без проблем, сейчас организуем, — весело сказала Женька и схватила в руки телефон. Мама Жени с недовольным лицом наблюдала, как ее дочка выбирает из списка контактов номер телефона с помощью детской считалочки «Эники-беники, ели вареники...».

— Ох, доиграешься ты Женька! — махнула на дочку рукой мама и ушла из кухни.

А Женька тем временем не унималась и набирала чей-то номер телефона.

— Привет, Денчик! Пляши! Я собираюсь за тебя замуж! Предупреждай родню, жду вечером на сватовство. Адрес сейчас настрочу, — ошарашила она заявлением Дениса.

Денис, капитально охренев от такой новости, потерял дар речи и сначала не мог сообразить, неужели Женька его решила пранкануть.

— Че за шутки? — наконец-то он выдал из себя вопрос.

— Ну какие шутки? Ты же говорил, что мечтаешь обо мне! Так вот она я, готовая невеста — иди да забирай. Вся твоя! — весело ответила Женька.

— Ну, Женька, смотри у меня! Если пранкуешь, то в подворотне изнасилую, — прошипел Дениска, который в душе уже ликовал, что Женька согласна стать его женой.

Ему всегда казалось, что она его в упор не видит и никак не воспринимает. А тут такие новости...

Упускать свой шанс Денис не планировал, поэтому тут же огорошил родителей, чтобы вечером они собирались в гости к его невесте свататься.

— Сынок, да ты что? У тебя разве есть невеста? Что же ты нас раньше не познакомил? — удивленно спросила мама Дениса.

— Не хотел, чтобы вы заранее волновались. Я сейчас пойду кольцо куплю, а вы готовьтесь морально. Поедем к семи вечера, чтобы ее отец успел с работы прийти, — ответил Денис и ушел в ювелирный салон.

Уже в салоне он понял, что не знает размер кольца Женьки. Пришлось звонить и уточнять.

— Я сама точно не знаю, наверно, семнадцатый. Ты возьми хрень какую-нибудь, чтобы не тратиться особо. Деньги нам на свадьбу понадобятся, — ответила Женька.

— Ладно, — пробурчал недовольно Денис.

Ему хотелось купить кольцо дорогое, чтобы Женька могла хвастаться им перед подружками. Но выбора она ему не оставила, поэтому он сделал, как она велела.

Родители Дениса, находясь в некотором шоке, всё же стали собираться в гости. Мама принарядилась, сделала прическу, отец даже надел костюм с галстуком. Для Дениса тоже нагладили белую рубашку и строгие брюки. Мать не знала, что захочет надеть ее сын, поэтому положила еще пару вариантов рубашек и ждала его прихода.

Денис купил два шикарных букета — для Женьки и ее мамы. Он нервничал так сильно, что аж зубы стучали. Около дома он остановился, глубоко вздохнул и сам себе сказал:

— Ден, возьми себя в руки! Женька — твоя мечта, и если не сдрейфишь, то она скоро сбудется! Так что выдохни и успокойся!

Бабули, вечно дежурившие на лавочке у подъезда, злобно посмотрели на Дениса. А баба Валя и вовсе сказала:

— Дениска, ты что, обкурился? Чего сам с собой разговариваешь? Жениться уже пора, а всё дурака валяешь!

Денис повернулся к бабе Вале, быстро подошел к ней, чмокнул в платочек на голове и громко, чтобы она услышала, сказал:

— Баб Валь, так я и собираюсь жениться! Вон, свататься иду, цветы купил! Удачи мне пожелайте!

— Иди уже, жених, с богом! Пусть всё сложится! — запричитали бабульки.

Денис бегом поднялся на свой этаж, забыв напрочь о существовании лифта, и велел маме поставить цветы в вазу.

— Ма, ну ты чего мне нагладила-то? Я же не сегодня женюсь! Давай, я джинсы и футболку надену, — сказал он маме.

— Ну как же? Свататься идем же, какие джинсы-то? Отец, вон, галстук нацепил, а ты что, в джинсах будешь? Нет, сынок, так не пойдет, переодевайся в рубашку и брюки, и не спорь! — отрезала мама Дениски.

Тот постоял немного с недовольной миной, но в итоге согласился. Наверное, мама и правда была права, надо одеться построже.

Женька забежала в комнату, где ее мама делала уборку, и сказала:

— Мамусик, бросай уборку, наводи марафет! Вечером у нас гости будут — придут руки моей просить!

Мать Женьки аж присела от услышанного.

— Это как так-то? Жениха же мы не видели, не знаем, кто он, из какой семьи. Ты что же не сказала нам заранее? — спросила мама Женьки.

— Ну, я и сама не знала. А ты чего разволновалась? Сама же утром говорила, чтобы я замуж вышла. Вот я и решила, что пора. Хватит за сердце хвататься, давай доставай платье, бигуди и наряжаться начинай. Папанышке скажи, чтобы не задерживался. Гости к семи обещали приехать, — смеясь, ответила Женька.

— А чем же их угощать? Я же ничего не приготовила, — испуганно сказала мама.

— Я уже заказала вкусняшек, не парься. Привезут к шести, всё разложить красивенько успеем. Так, всё, я пошла выбирать шмотки, и ты вставай! — ответила Женька и побежала к шкафу выбирать себе наряд на вечер.

Женьке было весело, она не особо вникала в то, что ей принесет этот брак. Просто сама мысль избавиться от родительской опеки ей вдруг показалась привлекательной. А Денис давно по ней сох, да и из семьи он вроде приличной — вот и решила она его сделать своей главной жертвой. К браку Женька относилась легко и не считала чем-то серьезным. Поэтому она не парилась, решила, что если ей надоест, то просто разведется, и всё. Маме, конечно же, о своих взглядах Женька говорить не стала, понимая, что ее вряд ли поймут.

Отец Женьки до последнего не особо верил словам дочери, он готов был поспорить, что дочка их решила жестко пранкануть. Она частенько устраивала разного рода шуточки, и теперь доверие к ней было изрядно подорвано.

Родители Дениса тоже не до конца верили в авантюру, на которую подписал их сын, но вынуждены были пойти с ним.

И вот настал час икс.

Звонок в домофон заставил всех в доме встрепетаться.

Женька полетела открывать дверь. Отец тихонько отдал матери пятитысячную купюру: все-таки спор проиграл, надо было расплачиваться. Мама Женьки, припрятав денежки, поспешила встречать гостей.

— Добро пожаловать, — весело поприветствовала гостей Женька.

— Здравствуйте, — ответили ей родители Дениса.

Гости неуверенно прошли в зал. Женька и Денис познакомили родителей. Все сели за стол. Наступила неловкая пауза.

Отец Женьки решил взять инициативу в свои руки и спросил:

— Ну что, спасители вы наши, избавители, правда решили дочку нашу сосватать?

— Да, правда! Только вот не очень мы подготовились. Нам сын только сегодня сказал, так что уж не обижайтесь. Скажу просто: просим отдать вашу красавицу дочку за нашего сына Дениса. Что скажете? — ответил папа Дениса, покраснев и вспотев: ему явно тяжело давалась эта беседа.

— Ой, не переживайте! Мы сами также только сегодня узнали, разволновались очень, — сказала мама Женьки.

— Я так скажу: если молодые любят друг друга и хотят жениться, то мы препятствовать не станем. Больше того — поможем чем сможем! — сказал отец Жени и предложил всем выпить за это.

Когда торжественная часть прошла, Женька утащила Дениса в комнату, оставив родителей одних за столом обсуждать детали свадьбы.

— Женька, ты сама-то веришь, что мы женимся? — спросил Денис, притягивая ее к себе.

— А как же! Уже даже платье приглядела! — ответила Женька и обняла Дениса.

Денис был на седьмом небе от счастья, сам себе аж завидовал. Он не мог наглядеться на Женьку, всё тискал и целовал ее.

На следующий день Женька пришла в институт с важным лицом и всем девчонкам продемонстрировала свое кольцо.

— Вот, любуйтесь, невеста я теперь. Скоро на свадьбе погуляем!

— Ого, Женька, вот это ты даешь! Шутишь, или правда? И кто же твоя жертва? — удивленно заголосили ее подружки.

Никто не хотел верить словам Женьки: все считали, что она просто решила привлечь к себе внимание и выдумывает.

Женька бесилась сначала, а потом решила всех проучить и написала Денису, чтобы пришел встречать ее после занятий. Денис и без ее сообщения минуты считал, когда она уже закончит учиться и он сможет ее снова обнять. Так что задолго до звонка стоял у дверей аудитории с букетом нежных цветов и без конца смотрел на часы.

Как только прозвенел звонок, вылетела Женька, схватила его за руку и втащила в аудиторию.

— Знакомьтесь, мой жених Денис. Прошу любить и жаловать. Теперь он будет частенько тут мелькать, следить, чтобы его невесту никто не обижал, — сказав это, Женька страстно поцеловала Дениса.

После такого представления вопросы у всех отпали: одни пожелали счастья Женьке, другие посочувствовали Денису.

Женька была девушкой свободных нравов, так что спокойно оставалась с ночевкой у жениха задолго до свадьбы, что порой вводило в ступор родителей Дениса. Но они молчали, ведь для них главным было счастье их сына. А Денис светился, как лампочка Ильича, таким они его раньше не видели.

Свадьбу откладывать не стали, и уже через месяц вся веселая компания однокурсников Женьки и друзей Дениса отплясывала на празднике любви. Молодые поселились в съемной квартире, которую им согласились оплачивать родители Дениса. Перспектива жить под одной крышей не вызвала энтузиазма ни у одной из сторон, поэтому все были только рады подобному решению.

Женька была безалаберной хозяйкой, но Денис совершенно ее не ругал. Он носил ее на руках и сдувал с нее пылинки. А чтобы молодожены совсем не заросли грязью, к ним приходили помогать с уборкой то мама Дениса, то мама Женьки. Если мама Дениса молча всё приводила в порядок и уходила, то мама Женьки каждый раз устраивала скандал дочери, пытаясь ее пристыдить. Женьке было без разницы, что там ее мама говорит, так что ситуация в этом плане никак не менялась: она как не убиралась раньше, так и не планировала убираться в будущем.

Через пару месяцев Денис ей изрядно поднадоел, но Женька пыталась держаться. Записалась на фитнес, чтобы отвлечь себя чем-то новым. Денис чувствовал, что Женьке в тягость семейная жизнь, но списывал это на возраст и тешил себя надеждой, что со временем переберется и успокоится. Женька начала хандрить: слишком уж всё было уныло и однообразно в их жизни с Денисом. Они даже ни разу не поругались. Не было повода. Денис во всем и всегда с ней соглашался, что теперь уже просто бесило Женьку.

Через полгода Женька стала откровенно заглядываться по сторонам. Подружки ее стыдили за флирт с другими парнями, но Женька их не слушала и называла занудами.

Денис начал переживать, он всё чувствовал. Их брак с Женькой, и без того существовавший лишь на голом энтузиазме Дениски, разваливался на глазах. Денис попытался было предложить Женьке подумать о совместном ребенке, в душе надеясь, что это может ее изменить. Но Женька лишь отмахнулась от него, как от назойливой мухи, и засмеялась в ответ:

— Ой, насмешил! Какой из тебя папка? Ты начни сначала нормально зарабатывать. Как жить-то будем втроем, если сейчас нам то и дело помогают родители? Да и я пока фигуру портить не планирую, еще пригодится. Кто знает, как завтра день обернется...

Денис помрачнел: он понял, что это начало конца. Он полгода один тянул их брак, и сил бороться дальше у него уже не было. Спорить или уговаривать Женьку он не стал, но после этого разговора регулярно задерживаться на работе. Приходил навеселе, с шлейфом женских

духов. В компании разных девушек он пытался заглушить боль от потери Женьки, хотел забыть ее, стереть из памяти. Но каждый раз, переступая порог дома, Денис видел Женьку и понимал, что все его старания напрасны. Он всё еще ее боготворил.

Однажды Денис не выдержал и заорал на Женьку:

— Тебе что, совсем неинтересно, где и с кем я шляюсь? Понимаешь ведь, что не с работы я домой прихожу? Или тебе совсем на меня плевать?

— Не ори, Денис, со слухом у меня всё нормально! Да, мне наплевать! С самого первого дня нашего брака! Это была прихоть. Я просто хотела избавиться от назойливых нравоучений моей матушки, вот и решила выйти за тебя замуж. Я тебя не любила тогда и не люблю сейчас. Хочешь, можем развестись хоть завтра, — спокойным тоном ответила Женька.

— Ну ты тварь, Женька, — прошипел Денис и, громко хлопнув дверью, сбежал из ненавистой квартиры.

Денис стоял у подъезда и ртом ловил воздух. Ему казалось, что он рыба, которую выбросили на берег, в груди было больно и он не мог дышать. Всё вокруг куда-то поплыло...

Очнулся он в палате интенсивной терапии. Рядом сидела мама с заплаканным лицом, у окна стоял отец. По напряженному выражению лица папы Денис понял, что произошло что-то серьезное.

— Ма, что случилось? Я что, в больнице? — спросил он у матери.

— Как ты нас напугал! Тебя тетя Валя нашла без сознания около подъезда, скорую вызвала. Врачи еле успели тебя спасти. Обширный инфаркт... Как же ты до этого докатился, сынок? — рассказала мама Дениса.

— Вон даже как? А Женька где? — спросил Денис в надежде услышать, что она в коридоре ожидает, когда ее позовут.

— Ты забудь ее, сынок! Не пара она тебе! Смотри, где ты оказался, прожив всего полгода с ней, — неожиданно высказался отец.

Денис молчал, а слезы сами собой ручейками полились из его глаз. Он прекрасно понимал, что отец прав. Но как избавиться от этого чувства безнадежности и ненужности?

Когда Женьке позвонила мама Дениса и рассказала, что он в больнице, то получила ответ:

— А мне-то с того что? Я же не врач, чтобы его вылечить! Поправится, пусть приезжает. Надо обсудить детали развода.

Не то чтобы Женька сильно удивила женщину своим черствым и жестоким поведением, но всё же мама Дениса ждала иной реакции.

Развели их быстро: детей не было, имущества не было — делить нечего. Денис еще долго жил у родителей, физически не мог себя заставить прийти за своими вещами в ту квартиру, где он был счастлив с Женькой. Всеми вопросами переезда занялись его родители.

Женька же не унывала. Она еще больше похорошела, стала снова порхать и искать жертв. Как-то в магазине у кассы ее толкнул мужчина, которому на вид было лет под сорок.

— А извиняться вас не учили? — фыркнула Женька на него.

— Нет, — буркнул ей в ответ мужчина.

Женька удивленно уставилась на него. Впервые в жизни ей нахамили — открыто и без стеснения. А больше всего зацепило Женьку то, что ее чары явно на этого товарища совершенно не действовали.

— Ну тогда хоть шоколадку мне купите в качестве извинения, — промурлыкала Женька, включив свою самую обворожительную улыбку.

Но мужчина продолжал что-то смотреть в телефоне и не обращал никакого внимания на девушку.

— Вы глухой? — спросила раздраженно Женька.

— Нет, — снова коротко ответил мужчина.

Женьке стало обидно. Как это так, что ее идеальная формула обождения тут не подействовала? Она впервые в жизни растерялась и не знала, как найти подход к этому мужлану.

— Вы что, неандерталец? Вас не научили, как с девушками надо обращаться? — задала вопрос Женька, перегородив дорогу мужчине, когда он уже собирался выходить из магазина.

— Вам, мадемуазель, чего надо от меня? Пацанчики, что ли, перевелись на свете? Пристаньте к кому-то в соответствии со своими возрастом. А мне пора! — спокойно выдал Женьке мужчина, обошел ее и направился к своему автомобилю.

Женька стояла как вкопанная. «Нет, так не пойдет! Это что еще за фрукт такой? Я ему покажу, как со мной так поступать! Ничего, еще встретимся!» — подумала Женька, когда мужчина начал выезжать со стоянки магазина.

Женька ужасно не хотела жить с родителями, поэтому нашла себе подработку в офисе, недалеко от съемной квартиры. И теперь с утра училась, а после обеда бежала на работу. И каково же оказалось ее удивление, когда она в лифте на работе столкнулась с тем самым мужланом из магазина.

— Привет! Мир тесен, не правда ли? Тоже тут работаете? — спросила она у него.

— А, хамка из магазина! Надо же, работаете, а я думал, у какого-то мужика на шее сидите, — ответил ей мужчина и отвернулся.

Женька аж закипела вся. Она решила, что он станет ее мужем, чего бы ей это ни стоило. Чтобы захомутать нового знакомого, Женька закупила книги по психологии и попыталась там отыскать подобный типаж мужчины и информацию о том, что с ним делать. Почти год Женька устраивала медленную осаду. И крепость потихоньку стала сдавать свои позиции.

Правда, Женька сама того не заметила, как в порыве охоты сильно изменилась: научилась готовить, потому что Ване нравилась домашняя кухня; стала скромнее одеваться; меньше кокетничать с кем попало; много работала, чтобы быть самостоятельной и независимой, понимая, что именно такой типаж подходит Ване.

Ваня, будучи простым мужиком, в бабе прежде всего ценил не обертку, а внутреннее содержание. И он оценил старания Женьки, а главное, ее духовное преображение. Вот только у них была разница в возрасте почти шестнадцать лет. Да и был у него уже опыт неудачного брака за плечами, росла дочка.

— Жень, ну что ты ко мне привязалась? Ты молодая девка, все парни в офисе по тебе сохнут. Я старый для тебя, у меня дочка есть. Зарабатываю я средне. Одумайся, пока не поздно! — решил серьезно с ней поговорить Ваня.

— Дурак ты, Ванечка! Я же влюбилась в тебя прямо там, в магазине, когда ты мне как истукан повторял «нет». С тех пор выкинуть не могу из сердца. Так что терпеть тебе меня придется до самой смерти, — ответила ему Женька и крепко обняла.

Расписались они тайно. Женька переехала к Ване жить, а родителям сказала, когда забеременела...

— Жень, что ты в нем нашла, скажи честно? — спросил ее как-то отец.

— Мужика, — коротко ответила Женька.

Леночка

Автор Айлин Ан

Иногда в жизни случается череда страшных трагедий...

Леночка —приятная пышечка, с беременностью превратившаяся в некое воздушное безе, так как стала одевать всё бесформенное и светлых тонов. Леночку все любили за спокойный нрав, умение радоваться мелочам и сопереживать чужому горю. Леночке очень шла беременность: она как будто внутренне расцвела, к ней все тянулись, хотели пообщаться с ней.

У Леночки было уникальное свойство находить подход к каждому человеку. Она умела подобрать слова так, чтобы человек ушел от нее в спокойствии, в утешении, в радости—именно в той эмоции, которую он искал в общении с ней. Беременность у Леночки была первая, протекала легко, и Леночка просто порхала по цеху и заряжала всех своей жизнерадостностью.

В один из дней, когда солнышко только-только начало припекать землю, появились первые весенние ручейки и уже можно было услышать пение птичек, Леночка стояла у проходной, подставив свое красивое круглое румяное лицо солнышку, и наслаждалась мягким солнечным теплом. Леночке оставалось всего два дня до выхода в официальный декрет. Она уже не особо заморачивалась по поводу работы и в большей степени проводила время в болтовне и спокойствии, благо все вокруг относились с пониманием к ее положению и помогали как могли. Мужчины, проходя мимо, невольно улыбались и обязательно здоровались с ней, женщины также не упускали возможности остановиться и поболтать, перекинуться парой слов, узнать, как она себя чувствует. Вот и Герман Олегович подъехал. Припарковав свой большой черный джип, он вышел, улыбаясь, пошел в сторону Леночки.

— Ну что, красавица, долго тебе еще осталось трудиться на наш славный завод? — спросил Герман Олегович у Леночки.

— Нет, Герман Олегович, мне осталось всего два дня. В конце недели я ухожу в декрет, — ответила ему Леночка.

— Смотри не забудь нас оповестить, когда родишь своего богатыря, и подумай хорошенько, что ты хочешь в подарок от завода. И не скромничай только, мы подготовим любой подарок, — погрозив шутливо пальчиком, сказал Герман Олегович.

— Хорошо, как скажете, — шутливо взяв под козырек, ответила Леночка.

День обещал быть благоприятным, по крайней мере, в этом была уверена Леночка.

Примерно через час после начала рабочей смены у оборудования, за которым трудилась Леночка, закончился кислород. Нужно было сходить за новым баллоном и заправить. В последнее время ей часто в этом вопросе помогали ребята из ремгруппы, все-таки баллон кислорода был тяжеловат для беременной. Но сегодня, как нарочно, ни одного мужчины из ремгруппы на участке не было: Леночка уже дважды обошла все закоулки, и результата был нулевой.

— Ладно, что теперь. Пойду искать их в отделе главного механика, наверняка опять планерки всякие устраивают, — сказала она женщинам на участке и направилась к выходу.

Тут одна из женщин отозвалась:

— Леночка, ну куда же ты пойдешь по заводу то шататься? Я сейчас Игоречку позвоню, придет поможет.

Игоречек, сухонький мужчина семидесяти двух лет, был наладчиком холодно-штамповочного оборудования. Всегда подтянутый, спортивный, бодрый, легкий на подъем.

И действительно, Игоречек пришел уже через десять минут.

— Надя, ты мне звонила, я прилетел! Кому надо помогать? Давай командуй, я готов, — отпараторовал он женщине, которая ему позвонила.

— Вот Леночке нашей помощи заправить оборудование кислородом. А то куда же ей самой-то с таким животом баллоны таскать? — сказала Надя, указывая рукой в сторону Леночки.

— Не вопрос, сию минуту будет сделано, — снова отрапортовал Игоречек и поспешил за баллоном.

— Ну вот, Леночка, видишь, какой Игоречек у нас хороший. Ты, если что, говори нам, у нас телефоны всех хороших мужиков всегда под рукой, иначе женщине на заводе тяжело. Без мужской помощи порой совсем никак, — сказала Надя Леночке.

Игоречек весело, почти приплясывая, вернулся с баллоном кислорода, заправил оборудование, затем повернулся к Леночке и сказал:

— Привет, красавица! Принимай работу, а я пока балл...

Игоречек вдруг перестал говорить, захрипел и упал. Баллон с кислородом покатился по полу и, звонко ударившись о плитку, откатился к станкам.

Леночка бросилась ему на помощь. Он не отвечал, а пульс она не могла никак нащупать. Пыталась докричаться до него, стучала по щекам, делала искусственное дыхание, непрямой массаж сердца — вспомнила абсолютно всё, чему учили на уроках ОБЖ. Все в шоке смотрели на происходящее, кто-то пытался оттащить Леночку, чтобы защитить ее от стресса, но она вырывалась и снова и снова пыталась оказать помощь Игоречку. Леночка не замечала или не хотела замечать, что Игоречек давно покинул этот бранный мир.

Приехала скорая помощь. Врач аккуратно отодвинул Леночку, попытался прощупать пульс, после чего сделал еще пару манипуляций, махнул рукой и сказал:

— Всё, вызывайте труповозку. Он мертв.

Медсестра подошла к Леночке и осторожно начала расспрашивать, что случилось, как она сама, нужна ли помощь.

— Нет-нет, со мной всё хорошо. Это он мне помогал баллон принести тяжелый, я ведь сейчас не могу сама. Наверно, ему нельзя было тяжелое. Господи Боже мой, это я виновата, я виновата, я виновата... — Леночка говорила надрывным шепотом, переходящим в рыдание.

Она причитала и причитала, пока не вырвался из нее звериный крик, и Леночка, упав на колени, прикрыв лицо руками, зарыдала что было мочи. Женщины суетились вокруг нее: кто пытался поднять ее, кто водички предлагал, кто просто обнимал за плечи и так хотели успокоить ее. Но Леночке как будто не было дела до других, впервые не было дела ни до чего, кроме горя, которое ее разрывало изнутри.

Когда она перестала выть, то еще долго сидела и раскачивалась вперед-назад, обняв себя руками, как будто убаюкивала, и забывалась от происходящего. Увести ее так и не получилось. Она сидела недалеко от тела Игоречка и смотрела на его руку, ее было видно из-под рабочего халата, которым его накрыли.

«Как странно. Вот эта рука только недавно помогала нести мне баллон, а теперь она лежит на полу, как тряпочка. Умерла, потому что умер ее хозяин. Вот так взял и умер. Как же быть теперь?» — мысли крутились и крутились у Леночки в голове без остановки. Как назло, труповозка всё никак не приезжала. Прождали почти четыре часа, и всё это время Леночка не сходила со своего места, сидела и смотрела на руку.

После вскрытия показало, что у Игоречка оторвался тромб. Смерть была мгновенная. А что спровоцировало это событие, никто уже и не скажет.

Когда, наконец-то рука с хозяином уехала, Леночка сама поднялась и, пошатываясь, ушла в туалет, умылась, переделась и, не дожидаясь окончания рабочей смены, поехала домой. Никто не видел, как она уходила, кроме охраны на проходной, и они вспоминали, что лицо у нее было бледное и шла она очень медленно, как-то пошатываясь немного, как пьяненькая.

Леночка была так ошарашена, что села, не глядя, в подъехавший автобус. Внешне он был большой и желтый, как те, на которых она обычно добиралась до дома. Но тут она ошиблась— этот автобус ехал не к ней домой, а повернул в промзону и увез ее очень далеко. Леночка сидела у окна и просто смотрела на мелькающие производственные здания, будто не понимая, что это вообще за картина за окном. Когда в автобусе осталось всего четыре человека, контролер обратила внимание на очень бледную беременную женщину и подошла к ней.

— А вы куда едете, часом не заблудились? У нас скоро конечная будет, потом пойдем на разворот и назад. Сегодня тут больше рейсов не будет, наш последний, — обратилась она к Леночке.

Леночка вздрогнула, будто на нее вылили ушат холодной воды.

— Что? Ой, где это я? Ой, я и правда не туда еду. Что же мне теперь делать-то? — испуганно проговорила Леночка, вскочив с места и схватив за руку контролера.

Пожилая женщина поняла, что с ней что-то неладное, и спокойно сказала:

— Не переживай, не высадим мы тебя в поле. Сейчас водителю скажу, с нами назад поедешь, и вернем тебя на ту же остановку, где забрали. Правда, ехать долго придется, но тут же тепло, и посидеть можно. Ну что, договорились?

— Да, спасибо вам большое! Я сегодня сама не своя, день страшный какой-то у меня, — вздохнув, призналась Леночка и вновь уставилась на картину за окном, только теперь она понимала, что видит, и удивлялась, как она могла так далеко от дома уехать и не заметить.

Когда уже все вышли из автобуса и остались только контролер, водитель и Леночка, она начала нервничать— тянуло живот, всё сильнее и сильнее. Леночка гладила живот и успокаивала себя, что это нормально, это тренировочные схватки, так и должно быть. Минут через пятнадцать спина уже ныла так сильно, что усидеть Леночке было тяжело, она решила встать и постоять немного, держась за поручень. Как только она встала, то почувствовала, как что-то теплое льется у нее по ногам, а взглянув вниз, Леночка с ужасом поняла, что у нее отошли воды. Она так стояла минуты три и не могла понять, что делать: рожать рано, она в промзоне, рядом только контролер и водитель автобуса. Леночка тихо-тихо позвала контролера:

— Помогите, пожалуйста. У меня воды отошли, — жалобно, очень тревожно звучал ее голос.

Контролер и так всё видела: она всё время наблюдала за ней и тоже пребывала в некоем замешательстве, что же теперь делать.

Первым делом надо было всем успокоиться. Но, как говорится, легко сказать, да трудно сделать.

— Милая, не волнуйся. Я сейчас скажу водителю, и он повезет нас в ближайший роддом. А пока скорую вызовем, может, и встретят нас по дороге. Роды — дело долгое, успеем в больницу, не переживай, — затараторила Мария Петровна дрожащим голосом, с головой выдавая свое волнение.

— Я понимаю, спасибо. Но мне еще рано рожать. Мне ж только завтра в декрет уходить. Как же так? — также растерянно ответила ей Леночка.

Мария Петровна торопливо прошла к кабине водителя и постучала ему.

— Ну что там еще случилось-то? — спросил Петрович, явно уже злясь.

Ему и так хотелось домой поскорее, а тут еще эта заблудившаяся беременная как снег на голову. Вези теперь ее обратно по маршруту, а так бы он срезал через деревни и быстренько бы приехал на стоянку.

— Петрович, у нас ЧП, рожает она. В роддом поехали, — прокричала Мария Петровна.

— Ну екарный бабай! Что ж вы, бабы, творите-то, а? Ну кто рожает в автобусе? О-ох, что мне теперь делать с вами? Куда ехать-то? Где роддом ближайший? Я что, думаешь, знаю? — ответил Петрович, а голос уже был озадаченный, но никак не злой, как в первый раз.

— Я сейчас в скорую позвоню и узнаю, куда везти ее. Погоди, скажу тогда, — ответила Мария Петровна.

От волнения Мария Петровна только со второго раза смогла набрать телефон скорой помощи. Она долго и сбивчиво объясняла сложившуюся ситуацию. Когда наконец-то ее поняли, то велели ехать на пост ДПС у причала, а там уже их встретит карета скорой помощи.

— Петрович, гони на пост ДПС у причала. Туда скорая приедет, — велела Мария Петровна.

— Понял, еду. А ты там смотри за бабой этой непутевой, как бы чего не случилось дурного, — Петрович в ответ дал указание Марии Петровне.

Мария Петровна его не слушала, она спешила к Леночке, которая уже, совсем скрючившись пополам, хватала ртом воздух и стонала. Казалось, еще немного, и она руками выломает подголовник на кресле.

— Ну как ты, Леночка? Держишься? — поинтересовалась Мария Петровна.

— О-ой, больно-то как! И почти не отпускает. Если это схватки, то ведь должны быть перерывы, так на уроках будущего материнства говорили. Почему же не отпускает? — Леночка схватила Марию Петровну за руки и смотрела ей в глаза так, будто ждала, что она сейчас одним взглядом остановит эту боль и всё наладится.

Но Мария Петровна сама не знала, что нормально, а что нет. Своих деток у нее не было, да и тему родов она никогда ни с кем не обсуждала.

— А-а-а! О-о-ох, боженьки, как больно! — Леночка уже вовсю кричала, забыв напрочь про стеснение.

Мария Петровна гладила ее по спине, по рукам и приговаривала:

— Потерпи, это надо перетерпеть. Все в родах мучаются, зато потом малыш будет у тебя самый красивый, — как могла, Мария Петровна утешала Леночку.

Через пару минут началось кровотечение, обильное, стало как-то страшно за Леночку. Мария Петровна позвонила еще раз в скорую и попыталась описать ситуацию. Диспетчер по крикам роженицы на фоне поняла, что у них всё усложняется, помощь нужна гораздо быстрее, чем они думали.

— Скорая выехала вам навстречу. Постарайтесь как можно быстрее добраться до пункта ДПС, там вам помогут, — дала формальный ответ диспетчер скорой и отключилась.

Мария Петровна еще раз дошла до кабинки Петровича и прокричала ему, чтобы потерпелся, если не хочет, чтобы в машине родили.

Петрович и так гнал бедный автобус, как никогда, сам переживал жутко, аж пот лился ручьями с головы.

Слава Богу до поста было уже совсем близко, еще минут пять, и они приедут.

— Пять минут еще, Машка! Пять минут потерпите, довезу. Гоню как могу, — кричал Петрович.

Мария Петровна держала Леночку за руку, а сама в окно высматривала, где же пост ДПС и скорая помощь. Пол в автобусе был уже сильно залит кровью, что-то явно шло в родах не так, как надо.

Когда подъехали к посту ДПС, врачи с носилками уже ждали. Они зашли в автобус и, задав пару вопросов, понесли Леночку в карету скорой помощи. А машина ДПС поехала их сопровождать, чтобы минимизировать различные препятствия на пути до роддома.

Леночка в скорой потеряла сознание и уже больше не очнулась. Она впала в кому и через два дня умерла.

Мальчика ее врачам спасти удалось. Для тяжелых ранних родов он родился в целом с неплохими показателями: его пару недель подержали в кувезе под наблюдением, затем выпи-сали и вручили безутешному вдовцу.

На работе были шокированы тем, что произошло с Леночкой. Все плакали искренне, не скрывая слез.

Вот так странно судьба свела Леночку и Игоречка, людей, которые по стечению обстоятельств запустили необратимый процесс смерти друг у друга, и они оба покинули этот бренный мир.

Нинусик и Роза Анатольевна

Автор Айлин Ан

Интрижки являются неотъемлемой частью любой работы, завод не исключение. В редких случаях эти взаимоотношения заканчиваются созданием новой ячейки общества, чаще же это — скоротечные помутнения рассудка на период определенных неприятностей дома, способ отвлечься или развеяться.

О любовных похождениях главного бухгалтера Розы Анатольевны не судачил лишь ленивый. Она была одинокой дамой, никогда не выходила замуж и не имела детей, однако могла бы попасть в «Книгу рекордов Гиннесса» по количеству любовных историй. Причем каждый раз она на глазах молодела, меняла образ: новая прическа, наряды, парфюм выдавали ее с головой. Да не очень она и скрывала свою любвеобильность. Особенно она была благосклонна к только что принятым на работу молоденьким сотрудникам. И ей было без разницы, семейные они или нет: она тут же распушала перья, и не проходило и месяца, как она могла похвастаться очередной любовной победой. К сожалению, после той самой любовной победы фаворит держался недолго, от силы месяцев шесть-семь, а далее он отправлялся в отставку. Причем совершенно неважно, была ли уже ему замена или просто надоел. Правда, надо сказать, что Роза Анатольевна всегда оставалась в адекватных взаимоотношениях с брошенными ею кавалерами, дабы иметь возможность пользоваться их помощью при необходимости.

Также Роза Анатольевна ни разу не позволила ни одному из семейных товарищей разрушить свою семью из-за отношений с ней. Она считала, что жизнь слишком коротка, чтобы тратить ее на варку борщей и стирку трусов какому-то мужику, и рассматривала сильный пол только как расходный материал для выполнения заданий и удовлетворения физических потребностей. Как-то ей удавалось всё так представлять, что особо никто ее на работе не осуждал, просто все периодически становились участниками новой серии из привычного уже сериала завода «Очередная жертва Розы Анатольевны».

Одна из серий с охотой Розы Анатольевны получилась крайне остросюжетной. На завод устроился молодой электрик с нестандартной внешностью: накачанный, видно, из спортзала не вылезал; с длинными черными волосами, собранными в аккуратный конский хвост, спускающийся почти до пояса; красивым лицом с ярко выраженными скулами. Он привлекал к себе внимание, и обычно люди думали, что он музыкант или спортсмен, но уж точно не электрик. Конечно же, Роза Анатольевна не смогла пройти мимо. Включив весь арсенал своего женского обаяния, она начала прощупывать почву еще в момент оформления документов, прямо в отделе кадров. Но, как она ни старалась, реакция со стороны парня была нулевая. Роза Анатольевна атаковала парня несколько недель, и всё тщетно. Как вдруг один случай дал ей понять, что дело тут в другой женщине.

Однажды Роза Анатольевна задержалась на работе больше чем на час, что совершенно ей было несвойственно. Просто она записалась в спа-салон рядом с работой, а ехать домой было неудобно и долго, вот она и осталась в кабинете почитать новости и попить кофе, пока время записи не подойдет. Перед уходом она решила заглянуть в туалет и столкнулась там со своим неприступным электриком, который выходил из кабинки в женском туалете, спешно поправляя на себе одежду. Следом за ним появилась Нина, раскрасневшаяся и явно довольная.

Роза Анатольевна даже опешила: ну ладно, она не по душе была мальчику, но выбрать Нину — просто уму непостижимо. Нина была старше Розы Анатольевны на два года, работала уборщицей на производстве, мыла полы и туалеты. Она была высокой крупной женщиной с огромной грудью и ногами, как столбы. Когда Нина шла по коридору, все инстинктивно отшатывались подальше от нее. У Нины было довольно миловидное лицо, но ультракороткая

стрижка, практически под машинку, портила и это, делая голову слишком уж маленькой на и без того непропорционально крупном теле.

Нина была замужем и воспитывала дочь, бывшую возрастом примерно как любовник-электрик. Ранее Нину за интрижками на заводе не замечали. Через пару дней электрик Никита и Нина не особо уже скрывали свои отношения: пока Нина мыла туалеты, Никита стоял подле нее и смотрел на нее с таким вождением, что люди посмеивались над ним и спрашивали, что Нинусик ему подмешала, что он так на ней помешался... Но, видимо, дело было серьезное: Никиту прямо оттащить приходилось от Нинусика и палками гнать работать, а не торчать в рабочее время рядом с уборщицей. Все ждали, когда же это прекратится, но их связь всё крепла. И люди уже шептались: это надо же, какая любовь-то странная бывает.

Жаль, что мир не без «добрых» людей. Кому-то счастье Нины не давало покоя, и наступали ее дочке, что, мол, мать распутствует с малолеткой прямо на работе, отцу ее, Федору, рога наставляет. Дочка папке всё и выложила. Тот, простой работяга, не поверил сначала, поржал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.